

строго не придерживается этого термина, а, напротив, чаще именует свое сочинение *ἱστορία*⁴, что лишний раз свидетельствует об отсутствии в византийской литературе четкого разделения жанров хронографии и истории.

В одном случае писатель несколько подробней останавливается на жанровой специфике своего произведения. Заявив о том, что он не собирается писать подробной истории и вдаваться в детали, Пселл продолжает: «... Поэтому-то я и опустил в истории многое достойное упоминания, не расчленил ее по олимпиадам и не разделил, подобно Историку (Фукидиду. — Я. Л.), по временам года, но просто повествую о наиболее важном и о том, что у меня всплывает в памяти, когда я пишу. Как я уже сказал, я избегаю сейчас подробного рассказа о всех событиях и предпочел средний путь между теми, кто писал о владычестве и деяниях древнего Рима, и теми, кто в наши дни создает хронографии; я не подражаю ни пространному изложению первых, ни сжатости последних, и я не хочу, чтобы мое произведение ни оказалось бы перенасыщенным, ни обошло молчанием значительное»⁵. В приведенном отрывке высказаны три сознательные авторские установки. Прежде всего, Пселл отказывается от анналистической традиции в расположении материала. Во-вторых, Пселл открыто провозглашает мемуарный характер своего сочинения. Фраза «Я просто повествую о наиболее важном и о том, что у меня всплывает в памяти, когда я пишу», — стереотип мемуарной литературы любой эпохи. И, наконец, в-третьих, Пселл говорит о своей промежуточной позиции между древними историками и современными ему авторами хронографических сочинений⁶.

Известный интерес для характеристики жанровой специфики «Хронографии» представляет также следующее: рассуждая о задачах историка и о границах жанров истории и энкомия, Пселл замечает: «Я взялся за повествование о жизнях императоров» (*ἱστορεῖν δὲ τοὺς τῶν αὐτοκρατόρων ἐπιβέβληται βίους*)⁷. Эти слова указывают на связь «Хронографии» с жанром античных *βίοι*, представленных Плутархом⁸.

Таким образом, Пселл в «Хронографии» сознательно не примыкает ни к одному определенному античному или византийскому жанру, хотя и явно ощущает свою связь с некоторыми из них. Такая позиция полностью согласуется с общим отношением Пселла к литературной традиции (главным образом в применении к стилю), неоднократно декларировавшимся писателем в ряде сочинений. «Мне приходилось читать многих достойных и великих древних ораторов, — пишет Пселл, — но не в пример многим я не позволял им (ораторам. — Я. Л.) водить себя за нос, а добавил нечто свое к некоторым положениям Лонгина, во многом исправил искусство

первых упоминал тебя. . .» Из письма, написанного в период правления императора Исаака Комнина (1057—1059), ясно, что Пселл приступил к работе над своим историческим произведением раньше 1059 г. — даты, которую обычно принимают исследователи (см. Н. Скабаланович. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884, стр. VII; G. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, Berlin, 1958, S. 437—438).

⁴ См. Chron., I, p. 32, 37; II, p. 70, 76, 160.

⁵ Chron., I, p. 152—153.

⁶ По мнению Е. Рено (Chron., I, p. 152, n. 3), Пселл имеет здесь в виду, с одной стороны, Дионисия Галикарнасского, с другой — Скилицу. И то и другое отождествление представляется нам недоказанным. Под греческими историками, писавшими о древнем Риме, вполне могли подразумеваться Полибий или Дyon Кассий, хорошо известные в Византии того времени. Что же касается Скилицы, то вряд ли он способен служить лучшим примером хронографической краткости. Трудно также предположить, что Пселлу в период написания первой части «Хронографии» уже был известен труд Скилицы.

⁷ Chron., I, p. 129.

⁸ Эта фраза Пселла не может не вызвать в памяти весьма известные слова Плутарха в предисловии к биографиям Александра Македонского и Юлия Цезаря: οὐτε γὰρ ἱστορίας γράφομεν ἀλλὰ βίους.